

Хельга Лайс

A child's drawing on a piece of paper with a torn edge. It depicts a person with a yellow head, wearing a blue cape, sitting on a white cloud. A white paper airplane is attached to the person's back, flying upwards. The background is a mix of light blue and grey. The drawing is set against a larger background of a light blue sky with white clouds.

**Полет на бумажном
самолете**

Хельга Лайс

Полет на бумажном самолете

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33831703

ISBN 9785449088604

Аннотация

Кевин был самым обычным мальчиком лет восьми: он ходил в школу, мечтал, терпел проделки младшей сестры и т. д. Однако в один не самый прекрасный день все перевернулось с ног на голову: после крушения самолета он просыпается в доме странного старика.

Содержание

аКукурузное поле	5
Та, которая дождалась	35
Чикаго	58
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Полет на бумажном самолете

Хельга Лайс

© Хельга Лайс, 2019

ISBN 978-5-4490-8860-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

аКукурузное поле

– Матерь божья, ничего себе! – В ужасе воскликнул Питер, мужчина лет 65, отбросив слегка свою голову с белоснежными волосами назад, от чего его поношенная ковбойская шляпа откинулась назад прямиком на затылок, задевая спинку шаткого сидения. Причиной той бурной реакции стало стремительное падение самолета перед его машиной производства времен царя Гороха, если судить по ее старомодному дизайну, облупившейся краске и следам ржавчины. Явно терпящий крушение самолет стремился прямо в сторону заброшенного поля, где когда-то фермеры выращивали кукурузу.

Между его восклицанием и оглушительным грохотом со стороны поля прошло всего пара секунд. Что до Питера, то его нельзя было отнести к людям, которые в таком случае поехали бы себе дальше в нужном им направлении. В тот момент им двигало желание оказать посильную помощь, если что, да и речка подождет, на которую он собирался с целью порыбачить. Резко притормозив, он выскочил из своего металлического коня, не удосужившись из-за спешки закрыть дверь, хотя в любом случае на его имущество никто бы не позарился, потому что в этой деревне проживало примерно три десятка человек, и все семьями, кроме него. Всем было известно о его более чем скромном достатке, брать ради

наживы нечего. Одиночество Питера не являлось следствием дурного характера или букета из невыносимых пороков. Все было куда намного проще: его единственная жена умерла из-за рака груди пять лет назад, а детей у них не было. Правда, за все эти последние годы, проведенные в отшельничестве, Питеру предлагали пару раз найти себе новую спутницу жизни, но тот на корню пресекал подобные предложения, потому что он не считал себя одиноким.

– У меня есть верный Дагги, а большего мне и не надо.

Дагги – это беспородный черный пес неопределенного возраста и среднего размера, который когда-то прибил к Питеру, когда тот выезжал, как всегда, выезжал на речку, чтобы порыбачить в свое удовольствие. Старик всю жизнь считал себя недостаточно сентиментальным, чтобы обзаводиться животными, и по этой причине в его доме никогда не звучало ни громогласного лая ни тонкого мяуканья. Но увидев в единственном коричневом глазу, полного надежды на вкусненькое, а также четко выделяющие ребра под короткой и тусклой шерстью, его сердце вздрогнуло, хотя он этого старался не подавать с виду. С тех пор пес всегда сопровождал своего нового хозяина, и сегодняшний день исключением не был. Бесстрашно прыгнув из машины вслед за хозяином, он потрусил рядом с Питером, изредка издавая лай, но больше в нетерпении обгонял.

– Тише, Дагги, не шуми. – Шикнул на него любопытный старик.

Чтобы выйти на заброшенное поле, нужно было пройти по узкой тропинке, что пролегала через ряд густых высоких деревьев, и если посмотреть наверх, то можно увидеть, как их верхушки слегка зацепило падающим аэробусом. Выйдя на поле, Питер машинально ругнулся крепкими словечками, хотя он заранее имел относительно четкое представление, что за картину ему предстоит узреть, но увиденное зрелище все равно повергло его в шок. То, что лежало и дымилось, а также кое-где горело, уже не было самолетом как таковым: огромный салон разорвало на несколько частей, а среди обломков валялись истерзанные многочисленные тела пассажиров и экипажа. Всюду были разбросаны вещи и мелкие детали воздушного транспорта. Питеру что-то показалось странным в том, что он увидел, но сейчас ему некогда размышлять, что именно таковым является, так как над ним взяло верх желание пройтись среди людей в поисках выживших, чтобы оказать возможную помощь, в общем, ради того, чего старик сюда вышел, несмотря на то, что нельзя исключить вспышки пожара. Дагги рядом шел и скулил, словно понимал, что произошло нечто страшное. Чем больше осматривал Питер пострадавших, тем больше осознавал, что, к сожалению, никому не удалось избежать верной смерти, которая, не изменяя себе, забрала всех без разбору: будь то молодые парни с бриолином на волосах или чопорные дамы бальзаковского возраста, чьи пальцы или уши украшали массивные украшения, которые едва ли своей стоимостью

преуменьшали бюджет мелкого городишки. Стоя над трупом молодой рыжеволосой женщины в старомодном платье зеленого цвета с пышной юбкой до колен, он горько вдохнул, ведь ее шея жутким образом сломана под углом в 90 градусов. Затем он вспомнил о своем преданном хвостатом сопровождающем. Неподалеку Дагги с остервенением заходился безостановочным лаем, стоя возле одной из частей фюзеляжа.

– Что, Дагги, ты что-то нашел?

Дагги словно обрадовавшись, что хозяин понимает его, едва не вскочил внутрь изувеченного алюминиевого корпуса.

– Дагги, стой на месте, а то еще придавит тебя, или еще огнем заденет, – осадил Питер своего друга и не без опаски полез внутрь фюзеляжа. Он увидел мальчика, пристегнутого к креслу самолета, которое чудом не оторвалось от пола. Про таких, как он, говорят «воплощение ангела», потому что золотистые кудри обрамляли пухлое лицо с румянцем и веснушками на щеках и тонкими чертами, словно сама природа любовно колдовала над ним в качестве художника. Правда, одет был старомодно, как и весь остальной народ. На нем был костюм из черной шерсти, а под ним – наглухо застегнутая белоснежная рубашка, словно у отличника. Мальчик сидел с закрытыми глазами, из-за чего на первый взгляд, можно было решить, что он, как и все мертв, но если присмотреться, то можно заметить, что он дышит: его грудь плавно

поднималась и опускалась. Удивительно, но наружных следов травм или хоть каких-то повреждений не наблюдалось. Питер озадачился: что делать? Ему не хотелось будить его, чтобы не заставляя смотреть на изувеченные тела, к тому же среди них могли быть его родные, но и забрать его надо, иначе мальчишка сгорит, вон уже огонь наращивает свою мощь. А если его отстегнуть и так понести, то не сделает ли ему хуже в случае возможности того, что ребра сломаны? Тысяча вопросов, и все же, поколебавшись, Питер принял решение нести его на руках, тем более, надо бы поторопиться, наверняка сюда придут всякие службы вроде полиции, пожарной и скорой. Это если не считать журналистов, пребывающих в вечных поисках очередной сенсации, чтобы продать побольше своего материала, что больше относилось к презренным газетчикам.

Благодаря тому, что Питер не гнушался физической работы, даже в почтенном возрасте, ему ноша не казалась тяжелой, главное, чтобы спина не дала о себе знать, а это случилось постоянно и в самые «подходящие» моменты. В попытке идти как можно быстрее, он едва не зацепился два раза по дороге к машине, да и Дагги постоянно путался под ногами, всячески игнорируя приказ молчать и не мешать, скуля беспрерывно.

Питер сначала хотел положить мальчишку возле водительского сидения, но пришлось передумать во избежания возникновения ненужных проблем, и класть на заднее, аккумуля-

ратно накрыв с головой плотным одеялом, которое бралось на рыбалку. Прделав у лица несчастного лазейку к кислороду, старик обратился к собаке:

– Радуйся, сегодня ты сидишь на переднем сидении.

Дагги не понимал сказанное, но интонации в голосе ему было достаточно, чтобы привстать на задние лапы, выражая тем самым огромную радость.

Развернув машину обратно к себе домой, Питер почувствовал, как учащенно бьется его сердце: ведь ему не хотелось попадаться по дороге на глаза федеральным службам, которые явно не одобряют похищение единственного выжившего пассажира, но что-то подсказывало, что мальчику в их руках не будет комфортно. В таком ключе и крутились мысли Питера во время пути к себе домой, который занимал пять минут по основной дороге, а затем еще немного по тропинке сквозь высокие кусты с правой стороны.

Дом Питера стоял крайним на отшибе деревни, куда он переехал после смерти своей благоверной, потому что не видел смысла оставаться в двухэтажных хоромах, где все напоминало о жене, обустроивавшая жилище со всей присущей ей женской домовитостью и со своим понятием чувства уюта. Наведение порядка не прельщало его натуру, которой не было дела до чистых полок и количества пятен на фуфайке. А тут у одной из соседских семей произошло пополнение, тем самым усложняя их жилищный вопрос. Питер, как узнал об этом, принял твердое решение поменяться домами.

– Мне ни к чему столько свободного места, да и самому сложно ухаживать за огромным домом, как и некому его передавать в наследство. А вы живите по-человечески, мне не жалко. Иначе я не смогу спокойно спать, зная, что малышка не имеет доступа к ванной и прочим благам цивилизации.

То семейство, состоящее из мужа и жены лет 50, их дочери с ее мужем и новорожденной, сначала отнекивалось, но настойчивости Питера не было предела, и спустя пару недель состоялся торжественный обмен квадратными метрами. Самый старший член семьи всякий раз, как видел Питера, рвался пригласить в гости, дабы тот отведал стряпню жены. «Сегодня точно пальчики оближешь!» – но всегда удостоивался отказом. Возможно, его обижал такой нелюбезный жест, но виду не подавал, как и никогда не отказывался продолжать приставать с приглашениями с целью отблагодарить великодушного старика.

Нынешнее жилище Питера представляло собой удручающее зрелище: оно словно планировалось в качестве временного жилища егеря: стены здесь представляли собой сооружение из бревен и палок, но качественное, ибо редкие сильные ветра и дожди не могли разрушить сие строение. А вот крыша сильно прохудилась, особенно сильно в углу со стороны кухни, если ее можно назвать, потому что она представляла собой крошечный уголок в виде примитивной самодельной печи и небольшого обеденного столика, стоящее у одного из двух окон во всем доме. На столике и хранилась немно-

гочисленная посуда в виде единственной кастрюли, чашки, тарелки и ложки – все из алюминия, а также ножа. Холодильника как такового не было, потому что Питер не любил готовить, и обходился полуфабрикатами, что съедались в течение пары суток, не позднее. К тому же, надо было проводить электричество, а оно ему не особо требовалось. Напротив кухни на полу располагалось спальное место в виде передавленного матраса. Больше в доме ничего не было, если не брать во внимание две табуретки. Справлять нужду приходилось за домом, где было что-то вроде будки с ямой. А за водой приходилось ходить целых два километра, а потом черпать ее из колодца, и снова – длинная пешая дорога Питера не напрягал такой аскетичный уклад, наоборот, его переполняло чувство свободы от ненужных благ цивилизаций, за которые приходится слишком много платить.

Когда происходил обмен домами, прежний жилец в виде того же старшего члена семьи решил, что Питеру обязательно знать, как они здесь жили, ведь эта жилплощадь служила им собачьей конурой, что по габаритам, что по удобствам.

– Мы всю жизнь мыкались по съемным жилищам, но после того, как меня, единственного кормильца, сократили на работе, а жена-то моя всю жизнь занимается домашним хозяйством, нам стало не по карману вести прежний образ жизни, а наших сбережений хватило лишь на ЭТО. Мне пришлось лично строить это жилище, вот этими руками, которые все помнят! А тут наша дочь, которой мы дали остаток

денег на свое жилье, вместо того, чтобы учиться и затем искать хорошую работу, нашла какого-то бездельника, у которого ни кола ни двора. Сидел за распространение наркотиков. Надо же им было встретиться после того, как он вышел на свободу! Они быстро растратили все, что мы давали, и после чего заявили на пороге нашего дома. Меня не единожды переполняло сильное желание прогнать этого бандита, но помешало рождение внука. Так что, спасибо тебе еще раз за дом, заходи к нам на обед, в конце концов!

Питер осторожно положил мальчика, все еще пребывающего в бессознательном состоянии, на свое подобие постели. И глядя на него, старику стало стыдно: у него не стоит хотя бы диван, да и вообще много чего нужного. Как тут жить мальчику в таких условиях, пусть даже если представить, что он тут надолго не задержится?

«Жаль, что у меня нет врачебного образования» – мелькнуло в голове старика. Да и в деревне ни у кого его не было, народ тут из бывших и настоящих рабочих, оно и понятно; те, кто работает головой, предпочитают жить в крупных городах, а не тухнуть там, где и кинотеатра-то нет. Хотя Питер решил, что не стоит пока сообщать о пребывании у него малолетнего гостя, мало ли у кого язык развяжется. Благо, месторасположение дома и отсутствия у жителей рвения пообщаться с Питером создавало ему выгодное положение.

Дагги уселся у порога, молча наблюдая за действиями своего хозяина. Ему не хватало смелости или желания подхо-

дить к маленькому человеку, ограничиваясь лишь любопытным взглядом украдкой.

Старик присел за стол, потирая свою голову, положив шляпу на колени. Посидев так пять минут, он махнул рукой, обращаясь к собаке:

– Ну, что, друг, не пора ли нам перекусить?

Дагги тихо заскулил, поднимая при этом одно ухо. Старик подошел к печке, на которую водрузил кастрюлю с десятком сарделек в воде. Пока они варились, Питер нарезал свежий хлеб, и затем налил себе и псу купленное утром молоко. Дагги с шумом хлебал из миски, что свидетельствовало о том, что пса мучила сильная жажда. Допив до последней капли, собака снова уставилась на хозяина, уже жующего горячие сардельки. Те, что предназначались для четырехлапого, лежали прямо на столе, дабы остыть, прежде, чем они попадут в голодную пасть. Еще часть осталась в кастрюле для мальчика. Даже во время трапезы, Питер не отрывал взгляда от угла с постелью, чтобы не упустить, в лучшем случае, пробуждение, но у спящего лишь подергивался будь то пальчик или уголок рта.

«Надо бы к врачу, а то помрет еще из-за меня» – не раз мелькало в мыслях Питера, но он всегда вслед за разумными доводами находил такую меру рискованным делом, ведь что последует за этим, если врачи дадут знать полиции, а там далее... Еще ему стало интересно, приехали ли таки на место происшествия спасательные службы, полиция, скорая по-

мощь, журналисты?... Никакого телевизора в доме не было, как и радио, потому что все новости ему докладывали утром в магазине, где он делал покупки. А сейчас время укладываться спать, солнце уже зашло.

Поскольку его спальное место теперь занято, то придется подумать над тем, на чем ему провести эту ночь.

– Дагги, сиди здесь! – Приказал Питер своему другу, выходя из дома к машине, что стояла в паре метров от жилища. Открыв багажник, руки старика вытащили на свет нечто грязно-серое из толстой ткани. Затем еще-то что доставалось, и со всем этим добром хозяин вернулся в дом.

Закрыв за собой дверь на замок, и прикрыв окна плотными так называемыми шторами, Питер зажег керосиновую лампу, и поставил ее на полу недалеко от себя. Дагги сидел под столом и поворачивал свою морду, пытаясь понять, почему его место у двери занимаетя какими-то тряпками. Старик аккуратно стелил на полу свой спальный мешок, который брался на рыбалку, и от того, что его не стирали с того дня, как его купили, он был набит всей грязью, а также специфическим запахом рыбы. Сверху на мешок накидывалось еще несколько тряпок. Довершало картину запасное одеяло. Закончив с созданием новой постели, Питер удовлетворенно улыбнулся одними тонкими губами. Прежде, чем он прилег, еще раз внимательно осмотрел лицо мальчика, но картина не изменилась.

– Ладно, Дагги, думаю, сегодня он вряд ли проснется, так

что на боковую, – пробормотав, он наконец-то растянулся на полу, приглашая к себе собаку, – иди сюда, здесь мягко. Пес удивился, от чего замешкался, но в итоге с радостью подошел к хозяину, который, в свою очередь, одобрительно хлопнул по черным бокам. Так впервые за три года старик спал в обнимку со своим псом.

Солнце на небе еще не взошло, как сон Питера прервал лай Дагги. Не проснувшись окончательно, он сначала не понял, почему пес встал в позу и лает, но затем услышал шум с того угла, где была его прежняя постель.

– Тише, Дагги, ты же пугаешь ребенка! – Пес пролаял еще пару раз и, в конце концов, неохотно замолчал.

Мальчик, держась за затылок, забился в самый угол, испуганно уставившись на собаку. По пухлым щекам текли слезинки. Когда старик с трудом вставал с постели, перепуганный гость тоже уже не издавал ни звука, лишь пристально следил за каждым движением Питера.

– Ох, уж этот радикулит окаянный! – Старик положил руку на поясницу и заметил, что забыл выключить лампу, – Ну вот, еще и забывчивость прибавилась.

Нагнувшись с трудом за лампой, чтобы подойти с ней к мальчику, старик стал проклинать про себя свои вылезшие болячки из-за таскания днем тяжелой ноши.

– Не бойся, малыш. Я не причиню тебе вреда. – Выпалил Питер, когда увидел, что тот еще сильнее вжался в угол. – Ну, что ты боишься? Ты мне еще дом снесешь. Хочешь есть? Тот

покачал головой, но подумал немного, затем едва слышно прошептал:

– Пить очень хочу.

Старик чашкой черпнул воды прямо из ведра, и мальчик увидев это, колебался между безгливостью и сильной жаждой, прежде, чем залить в себя все до последней капли. Старика порадовало то, что он увидел, и так же огорчился, когда забирал чашку, заметив сморщенный носик. Избалованный ли он или нет, но его понять можно.

Мальчик понял, что ему не желают зла, улегся вновь с той же безгливой гримасой, но уже с меньшим испугом. Он снова закрыл глаза, производя впечатление спящего.

Питер, поставил чашку на место. Затем с огорчением осознал, что от него несет стойким ароматом давно немытого тела, старостью и рыбой. Купаться он ходил на речку, но одежда не стиралась с нужной регулярностью, как и постель. «Представляю, как ему приятно моё общество!» – горечь сей мысли не давала никакого шанса на возобновление прерванного сна. В течении ближайших минут постель была убрана и отнесена в багажник, потому что держать все это дома нельзя из-за сногшибательного аромата.

Стоя у машины, Питер невольно залюбовался оранжевым восходом солнца в районе заросшей дикими растениями поляны возле его дома. Сзади же стоял пугающий своей дремучестью лес, и поскольку сейчас конец мая, то деревья, надевшие на себя густую листву, производили из себя устрашаю-

щее впечатление, особенно ночью, откуда доносились завывания диких животных. И вот вдоль леса и поляны пролегла дорога. Вдоль нее изредка попадались дома, большинство из которых словно дышали на ладан. Раньше здесь жило куда больше людей, но молодежь постепенно покидало эти края, и никогда не возвращалась. Питер вместе с женой здесь поселился после второй мировой войны, и как всякого воевавшего, его переполняли воспоминания о тех жутких днях, каждый раз едва не сводя с ума. Будучи наивным молодым человеком, он не ожидал увидеть, насколько безгранична человеческая жестокость к себе подобным и не только. Когда объявили об окончании кровавого действия всемирного масштаба, он не испытывал радости, настолько было велико его шоковое состояние, особенно, когда он слушал свою новообретенную жену, найденную недалеко от Берлина. Она пряталась в разрушенных зданиях после удачного побега из концлагеря. Поскольку в ней текла львиная доля еврейской крови, ее подвергли принудительной стерилизации, а следом – и тяжелым работам, нередко вдобавок к ним можно было добавить всякого рода издевательства, на кои была богата фантазия уродов в нацистской форме.

– Я тебя не достойна! – Отвергала она Питера, несчастная 18-летняя девушка с изувеченной судьбой. – Тебе, высокому сероглазому блондину с правильными чертами лица и широкими плечами, нечего будет найти себе женщину получше! Оставь меня в покое, умоляю!

Питер не мог поверить в то, что она говорит. Мария, а именно так ее звали, внешнее ему ничем не уступала: точеная фигурка с приятными несмотря на излишнюю худобу формами, густые каштановые локоны по пояс, большие карие глаза, прямой нос, четко очерченный рот, выразительный скулы, тонкая шея. О такой можно мечтать, а она его отшивает лишь из-за одной причины – отнятая возможность рожать детей.

– Мария, поверь мне, пожалуйста, я люблю тебя, и мне совершенно неважно, будут ли у нас дети, или нет!

– Ты врешь, сам того не осознавая! Уходи! – Мария указывала правой рукой с многочисленными шрамами на дверь, но Питер не сдавался. Ему была противна даже сама мысль о том, чтобы вернуться домой без этой прекрасной женщины.

– Давай так, мы поедem ко мне на родину, где притворимся мужем и женой, и если нас хватит на год, то мы поженимся по-настоящему, а если нет, то отпущу восвояси. Нам нечего терять.

Мария и на то предложение как тогда, так и потом долго не давала согласия, но когда Питер навестил ее в последний раз перед отъездом, в ней что-то вздрогнуло, и она полетела вместе с ним. Спустя год они поженились, сыграв скромную свадьбу. Родные Питера души не чаяли в новой родственнице, называя ее «душенькой» и «самой лучшей миссис Смит». Конечно, в начале были неизбежные разговоры

о «цветах жизни», но Питер жестко их пресекал, умудряясь не болтать о причине, и вскоре об этом тема никем никогда больше не поднималась. Но Питера с его израненной душой все таки тянуло к уединению, и к счастью, Мария разделяла его отшельнический настрой. Поселившись в двухэтажном особняке, им долгие годы удавалось здесь не заводить соседские отношения. Они практически пропадали в соседнем густонаселенном городке: Питер пахал на шахте, а Мария работала няней в детском саду, тем самым одаривая своим материнским инстинктом чужих детей, что делало ее чуточку счастливее.

«37 счастливых лет» – со слезой на левой морщинистой щеке стоял Питер на том же месте возле машины, уставившись в далекий горизонт.

В доме снова раздался лай Дагги.

– Вот же неугомонный пес! – Пробурчал себе под нос старик, спеша в дом. Причина лая была той же: мальчик снова проснулся и опять таки же испуганно глядел на беспокойного пса, хотя было очевидно, что ему хотелось встать.

– Дагги, почему ты снова принялся за старое и так пугаешь малого? Он безобидный, не воришка.

После слов хозяина, сказанных нравоучительным тоном, пасть закрылась, и собака улеглась, положил свою голову на передние лапы, глядя виновато вверх.

– Ты что-то хотел? – Эти слова относились уже к мальчику. Тот кивнул, аккуратно вставая.

– В туалет надо. – так же едва слышно.

Питер вдохнул, вспоминая, о том, какой у него туалет. Сплошной стыд! Взяв его ладонь в свою большую руку, он с неловкостью повел его за дом.

– Тебе по-маленькому?

В ответ утвердительный кивок.

– Тогда ходи за те кусты.

Мальчик вытаращил свои зеленые глаза с ужасом.

– Мама говорит, что только хулиганы и бандиты ходят в кусты, а я не такой!

Питеру хотелось смеяться! Знал бы мальчишка, с чем еще ему предстоит столкнуться, живя здесь. Добавляя в голос как можно больше мягкости, он похлопал его по плечам.

– Так ты у нас воспитанный и послушный джентльмен! Дело твоё, но знай, сейчас у тебя нет другого выбора. Я никому не скажу, обещаю.

Те же вытаращенные глаза выражали усилие переварить услышанное. Но природа взяла верх, казалось бы, над незыблемым воспитанием. Освободившись от лишней жидкости в организме, но приобрёл угрызение совести, мальчик грустно смотрел на свои руки, затем выставил их перед стариком.

– Руки надо мыть после туалета! «Забавный, да видимо попьет мне кровушки» – думал Питер, поливая во дворе у входа из кастрюли на намыленные маленькие выставленные ручонки. – Иди садись за стол, и поешь сардельки на тарелке. Мальчик с неохотой взял одну из сарделек, которые

успели заветриться

со вчерашнего дня. Откусив кусочек, тот тут же выплюнул, чем и воспользовался достаточно к тому времени проголодавшийся пес. Один миг, и пол снова чистый.

– Фу, я не буду это есть!

Глядя на насуспенное лицо, Питер тяжело вдохнул, явно сожалея о том, что полез туда, куда не следовало. К тому же, из-за отсутствия опыта общения с детьми такого возраста его посещало легкое чувство растерянности.

– Ладно, я поеду в магазин, что тебе купить?

В зеленых глазах загорелся огонек потому, что он явно понимал, что ему не откажут в том или ином капризе.

– Мороженого хочу! Шоколадное!

– Хорошо. Что еще? А то я возвращаться туда не стану.

– Печенья, шоколада! Колы! И...и...и...

– Хорошо, только давай поиграем в игру: я ухожу, а ты прячешься и сидишь тихо. Дагги... Дагги, пойду без него, вызову подозрения... Оставить здесь... Хм...

– Нет, забирайте его с собой! Он страшный!

Псу явно не понравилось, что его назвали «страшным» и гавкнул один раз, но в этот единственный раз была вложена вся мощь его обиды.

– Ладно, в общем, твоя задача – сидеть тихо, я скоро вернусь.

Питер обычно шел пешком к магазину с целью экономии бензина, но тут решил прокатиться на машине с целью

не оставлять своего жильца надолго одного. Еще выйдет куда. Заведя мотор, он почувствовал, что его по новой переполняет волнение и боязнь выдать присутствия у него единственного выжившего пассажира.

Подъезжая к магазину, он с ужасом увидел взволнованную толпу, которая что-то бурно обсуждала, усиливая разговор активным жестикулированием. Старик прикрыл на секунду глаза, прежде чем выйти из машины.

– Питер, ты слышал? – бросился к нему тот, кто постоянно зазывал к себе на обед, – вчера рядом с нами рухнул самолет! Питер, не обладая актерским мастерством, старался как можно более правдоподобно «удивиться»:

– Да ладно? Кто-нибудь выжил, я надеюсь? – Нет, к сожалению, все погибли! Но самое главное не это, точнее, земля им пухом и все такое, конечно. Но все же: самолет незарегистрированный в нашем времени, и ходят слухи, что он прибыл к нам из, ты сейчас не поверишь, самого 1957 года!

Вот тут изумление Питера не было поддельным! Глядя на лицо соседа, довольного произведенным эффектом от его слов, он пробормотал:

– Не может быть! Такое невозможно в принципе! Вы должно быть шутите, я-то вас знаю!

– Я тоже не верил, но вот почитай, – и в лицо Питера была уткнута первая страница газеты из соседнего города, где крупным шрифтом написано «Крушение самолета спустя 30 лет после исчезновения во время рейса номер ***!».

Фотография, хоть и снятая в сумерках, не оставляла сомнения, что это был тот самый самолет, откуда Питер вытаскивал уцелевшего. Правда, на снимке все вовсю пылало огнем, но все равно не было сомнений, потому что многое указывало на то самое место. Прочитав статью два раза, он при всем своем недоверии в подобные явления был вынужден признать правдоподобность изложенного. Вспоминая внешний вид погибших и самого самолета, увиденных собственными глазами – журналисты на этот раз не бредили. То странное чувство было неосознанным воспоминанием о своем четвертом десятке. Да, он не летал после возвращения из военных зон домой, но тогдашнюю моду не мог забыть. Каждая пассажирка напоминала его Марию, одевающуюся в самые модные наряды, и меняющуюся прическу, из которых, надо признать, не каждая ее украшала должным образом. И напмаженные мужчины в строгих костюмах. У него дома сидит пришелец из прошлого! Питеру стало настолько нехорошо от осознания такого упрямого факта, что он аж пришел на капот, держась левой ладонью за голову.

– Ты смотри, как он разволновался! Вынесите ему пива за мой счет! – Испуганно крикнул тот самый сосед кому-то из толпы. Через минуту перед носом оказалась кружка с прохладным пивом. Питер схватил ее и жадно выпил содержимое, едва не захлебываясь. Приятная прохлада пронеслась по его телу, и ему стало легче «переваривать» невероятную по своей сути информацию. Тем временем из толпы доноси-

лось следующее:

– Сегодня нас посетят ФБР для расспросов, так что день явно будет насыщенным!

И тут внутри Питера все замерло – нельзя показывать мальчика, надо срочно возвращаться и прятать его! И он едва не развернулся в сторону дверей автомобиля, так тут же вспомнил, что ему надо купить продукты, ведь дома ничего нет. Вдобавок понимал, что покупка сладостей привлечет ненужное внимание, потому что он их не покупал прежде, так что стоит ограничиться менее подозрительными фруктами и соком.

Сославшись на внезапно ухудшившееся самочувствие, Питер бегом уселся за руль и был таков, мысленно молясь о том, чтобы он успел скрыть мальчика. Дагги смиренно смотрел с заднего сидения на хозяина, изредка поскуливая.

– Где мороженое? – заныл мальчик при виде купленного, – я хочу шоколад, Вы мне обещали!

– Я помню, но изменились обстоятельства, понимаешь? Пей сок, сейчас мы снова поиграем в новую игру.

– Я не хочу играть, я есть хочу!

Питеру хотелось отвесить упряму звонкую оплеуху, настолько его утомила роль невольного няни, а ведь и суток не прошло. Вместо этого он встал над ним и со всей строгостью в голосе проговорил:

– Если не будешь слушаться, то тебя заберут в, то место, где тебе будет плохо. Так что жуй, что дают, да побыстрее!

Тот испуганно посмотрел на Питера и без охоты, но взял в руки яблоко и стал жевать, причем так быстро, что чуть не подавился.

– Да не стоит так быстро жевать, – проворчал Питер, стуча по спине. Пока мальчик занимался наполнением своего желудка, Питера нашарил рукой на полу возле кухонного угла дверцу в подвал. Учитывая, что в этом месте присутствовали следы сырости из-за прохудившейся крыши, у старика появилось логичное опасение, что если сидеть там долго, то можно и заболеть. По сути это сложно назвать подвалом, так кусок помещения в полтора метра шириной и два – в длину, где предполагалось держать небольшие пожитки, но из-за риска порчи вещей и продуктов, оно пустовало.

– Так ты закончил? – В ответ молчаливый кивок, – В общем, слушай сюда, к нам сегодня придут люди, но ты не должен попадаться им глаза! Ты будешь сидеть внизу, понимаешь?

– Я боюсь, не хочу там сидеть!

– Не бойся, там нет ничего страшного. Ты не должен издавать ни звука, иначе все пропало!

В душе мальчика боролись оба страха: боязнь неких людей и того подвала. Уставившись расширенными зрачками на Питера, он заплакал, словно уговаривал слезами его не спрятать его в «страшном месте». Жалость переполнило сердце заядлого отшельника.

– Пойми, я не желаю тебе зла, поверь, это необходимо,

и обещаю, такое больше не повторится. Ты веришь мне?

Водопад из слез тут начал прекращаться, а маленькие уста прошептали «Хорошо».

– Вот и отлично! Ты хочешь в туалет?

Едва закончив с едой и туалетом, внимание Питера привлёк громкий лай Дагги куда-то в сторону дороги. Недолго думая, он обратился к мальчику:

– Так, пришло время прятаться.

В ответ ему не прозвучало ни писка ни шума, лишь послушное выполнение его приказа. Передвинув стол на подвальную дверцу, Питер с облегчением выдохнул: «Успели!». Дагги все не унимался, его лай только набирал обороты. И вот на пороге показались двое мужчин в строгих черных костюмах, а их лица не выражали ровным счетом ничего. Глаза же скрывались за темными стеклами очков.

– Тихо, Дагги! Вы что-то хотели, господа? – как можно более с беззаботным голосом обратился Питер к незнакомым мужчинам. Те переглянулись между собой, и тот, кто был постарше, подал голос:

– Да, мы по делу вчерашнего крушения самолета. Вы что-нибудь слышали об этом?

– Хм, если честно, то да, мне утром в магазине сообщили, и то, что я узнал – просто не укладывается в голове! Это такая журналистская шутка про самолет из прошлого? Что курят в этих кругах газетчиков? Неужто стали плохо покупать прессу из-за отсутствия невероятного бреда в статьях?

Надо понимать, что не будучи профессиональным актером, но человеком, не любящим ложь ни в каком виде, Питер слышал во время своего пылкого монолога, как сильно бьется его сердце, насколько его переполняло волнение и страх выдать тайну. Агенты, услышав явно ничего интересного для них, не торопились достаивать его ответом, впиваясь в него колючим взглядом.

– Вопросы здесь задаем мы, и никак не наоборот. Вы вчера не бывали в районе ближайшего от Вас поля?

– Нет, я собирался поехать на речку, как раз всегда мимо проезжаю, но знаете, у меня, как у всякого пожилого человека, прихватило поясницу, радикулит, знаете ли, еле очухался к сегодняшнему дню.

– Хм, тогда вы не видели поблизости никого, кто мог бы рядом ходить?

– Никак нет, не видел. Из-за сковывающей боли пришлось весь день отлеживаться, глядя лишь в потолок.

Питер боялся, что из-за едва контролируемого волнения по его лицу потекут капли пота, тем самым предательски выдавая, что он врет как дышит, или на крайний случай, не договаривает.

– Ладно, не видим основания вам не верить, – тон говорящего демонстрировал, что напротив у него все же есть сомнения. Второй же агент все это время пребывал в роли молчаливого напарника, но его пристальный взгляд из-за едва опущенных очков на прямом носу действовал на нервы по-

больше любимых слов.

– А с чего бы мне что-то скрывать? Я – человек простой, отслужил на войне против фашистско-нацистской оккупации, потом отработал свое на шахте до самой пенсии! Мои интересы никогда не противоречили интересам государства! Вас еще не было на свете, а я был уже большим патриотом нашей величайшей страны в мире! Постыдитесь сомневаться в моих словах! Знал или видел бы, то обязательно сообщил бы без утайки. Оставьте меня в покое хотя бы на старости лет!

Питер, конечно, не любил заниматься подобным бахвальством, но вынужденно прибег к такому варианту, рассчитывая, что его примут за вредного старика, хоть и бесхитростного, и к нему больше не возникнут вопросы со всеми этими неожиданными визитами.

– Я и мой напарник просим у вас прощения за столь обременяющее беспокойство, сами понимаете, не наша воля, а долг государственной важности, всего Вам доброго и не болейте! – Улыбнулся тот, кто взял на себя обязанность чесать языком. Второй по-прежнему не менялся в лице, пока его не пнули локтем в бок, и тому пришлось обнажить свои зубы. «Лучше не улыбался, таким волчьим оскалом только пугать» – не без тени раздражения подумал Питер. И тут же в его венах застыла кровь: послышался глухой звук чихания, что не могло привлечь внимание агентов.

– Кто это у вас там шумит?

Питер судорожно сглотнул слюну, прежде чем пробормотать как можно более сердито:

– Да псина моя дурная чихает!

Те сунули свои головы в дом, осматривая внутреннюю обстановку. Заметив Дагги под столом, додумавшего положить лапу себе на нос, не могли найти хоть малейшую причину сомневаться в словах старого вояки.

– Еще раз просим прощения, за сим мы откланиваемся. Всего доброго!

Питер следил за ними, стоя на пороге, до тех пор, пока их машина с затемненными стеклами не скрылась из виду.

– Кажется, пронесло. – Пробормотал он, спеша убрать стол с дверцы в подвал. Мальчик сидел, уставившись в стену напротив.

– Ну, что ты там задумался, вылезай.

Когда Питер закрывал дверцу, почувствовал, что за ним наблюдает пара зеленых глаз. Их обладатель сидел на табуретке, скрестив руки на груди.

– Кстати, меня зовут Питер, а тебя-то как зовут?

Но вместо того, чтобы назвать свое имя, мальчик задумался, и потом растерянно ответил: «Не знаю, не помню».

– Как это не помнишь? Все помнят свое имя, ну, конечно, кроме тех, кого настигает очень плохая болячка, но и то, это случается чаще с людьми моего возраста и старше.

– Да не помню я! – Вскочив с табуретки, мальчик бросился к своей постели, едва не впадая в истерику.

– Ну чего ты так нервничаешь? Мне же надо как-то тебя называть. Не «Эй, ты!» же, в самом деле.

– Я не знаю, не могу, у меня болит голова!

Питер вспомнил, что не ощупывал несчастного парнишку, чтобы проверить у него наличие возможных травм, а ведь могло быть место амнезии именно из-за сотрясения мозга: в падающем самолете всякое могла влететь в голову, нанося физический ущерб. Иначе с чего бы мальчику терять сознание, а уж тем более, память? Не от испуга же?

– Дай-ка я потрогаю твою голову, не бойся, я постараюсь не причинить тебе боль.

К его удивлению, по отношению к его словам и дальнейшим действиям не было оказано хоть малейшее возражение. Аккуратно запустив пальцы в волосы, Питер аккуратно ощупывал голову. Так и есть: на макушке проступала небольшая шишка. Видимо, и правда, прилетело в голову чей-то ручной кладью во время падения, хотя Питер слабо себе представлял такую возможность, ведь у кресел высокая спинка. Разве что его специально стукнули...

– Тебя что-то еще беспокоит кроме боли?

– Немного тошнит, и все.

Питер мысленно ругнулся в свой адрес. Так некстати оказался его аскетичный образ жизни, ведь можно было бы для начала приложить к ушибленному месту компресс со льдом. Да и из аптечки были такие лекарства, которые обычно пьют пожилые люди.

– Ладно, ты ложись и не вставай, тебе надо полежать, пока не пройдет головная боль и тошнота. И вновь беспрекословное послушание. Питер встал возле него, явно терзаемый целым ворохом вопросов.

– Поскольку, ты не помнишь своего имени, то придется временно называть тебя хоть как-то. Джерри, Чарли... Как тебе Арчи?

– Арчи... Мне нравится, можно Арчи, да.

– Ну и славно! Отдыхай, вечером я съезжу за чем-нибудь вкусеньким.

«Арчи» улыбнулся впервые той улыбкой, которая греет сердце, даже самое черствое аки засохший хлеб. И тут Питер впервые пожалел, что не завел детей. Нет, Марию он любил всем сердцем, и нисколько не жалел о той клятве, что дал перед алтарем. И ему на самом деле никогда не приходили мысли в голову о том, чтобы как-то решить этот вопрос, взять хотя бы чужого и покинутого на усыновление, чтобы как-то компенсировать невозможность иметь свою родную плоть. Нет, не было осознанной нужды в детских голосах и объятиях.

– О чем думаете, Питер?

– Да так, пустяки. Ты забыл только свое имя? Сморщив носик, Арчи усиленно думал, затем сказал: «Не знаю».

Дагги с присущей ему грустью смотрел издалека на Питера и Арчи одним глазом, чувствуя себя обделенным. Ведь сегодня его не гладили, не кормили, в желудке переваривал-

ся лишь тот выплюнутый кусок сардельки. Как же сосало под ложечкой! А у хозяина явно не было аппетита, потому что встав ранним утром, он за весь день ограничился кружкой холодного пива у магазина, и даже не смотрел в сторону кухни.

– Тебе не жарко в этом костюме? – с сомнением смотрел Питер на плотный шерстяной пиджак и такие же брюки, – снял бы пиджак, что ли.

Арчи послушно последовал совету, оставшись в белой рубашке с короткими рукавами. Старик пощупал карманы и с горечью понял, что они совершенно пустые. У него теплилась надежда на забытые бумаги, что пролили бы свет по поводу персоны мальчишки.

– А в карманах брюк тоже ничего нет?

Увы, и в них звенело пустотой. Бережно сложив пиджак, Питер положил его на табуретку. И тут ему на глаза попался грустно лежащий Дагги.

– О, совсем забыл о тебе! Могу предложить только то, что и вчера, будешь?

Пес от радости присел, отвечая лаем, который стоит понимать как «Да», и никак иначе.

– Хороший пес, прости, что заставил тебя вспомнить те голодные времена! – Старик с особой нежностью потрепал пса, когда тот со свойственной всем представителям его семейства моментально проглатывал сардельку. – Хороший-хороший!

В ответ благодарный лай и виляние коротким хвостом. Все это время Арчи занял сидячую позу, прислонившись к стене. Времени к вечеру еще довольно предостаточно, и спать ему не хотелось, как и лежать. Старик обратил внимание на скучающее личико.

– Пару дней тебе пока придется не высовываться из дому, пока не утихнет кое-какая шумиха, а там будем смотреть. Ты читать любишь?

– Да, но больше всего я люблю, когда мне читают. А что за «шумиха»?

«Надо же, это он помнит, а более важного – нет».

– Хорошо, куплю тебе что-то почитать. А пока может тебе что-нибудь рассказать? – И полное игнорирование заданного вопроса.

– Я бы послушал что-нибудь о пиратах! Йо-хо-хо! Или сказку.

Казалось бы, сказка, что такого-то, но какие сказки, если они не были в своей жизни с самого детства. Почесав макушку, старику не пришло ничего лучшего в голову, как сочинить про крота и мышь.

– «Жил-был крот...».

Та, которая дождалась

Тем временем, в Новом Орлеане, который располагается, в штате Луизиана, одна ни о чем не подозревающая молодая женщина, как всегда, пылесосила после семейного ужина. Этот скучный процесс служил для нее проверенным годами снятием стресса. А нервничать было из-за чего: ее некогда прилежная четырнадцатилетняя дочь напрочь отбилась от рук. Как в ее классе появился новичок-спортсмен, и по ее же словам, красивее него не было никого, картина успеваемости испортилась. Настолько она не могла сосредоточиться на более важных вещах из-за какого-то там юнца. И ведь они даже не встречаются, так как новенький быстро нашел себе пару в лице первой красавицы среди одноклассников. До крайней степени банальная ситуация. Видя эту сладкую парочку, отвергнутая постоянно злилась на то, что она якобы недостаточно хороша на фоне более удачливой соперницы, затем ее гнев перемещался от самой себе к конкурентке.

– Да что он в ней нашел? Она же тупая как пробка! – Недоумевала она кому-то в трубку, потирая картинно свой левый висок. Шум от пылесоса ей несколько не мешал, напротив, он помогал ей в том плане, что многое из разговора не долетало до ушей надоедливой матери. По меньшей мере, она так думала.

И тут не выдержала ее мать, не сдержав своего желания кольнуть дочь, надеясь, что тем самым повлияет на благоразумие:

– Да ты лучше бы училась как в прежние времена, а то получается, не лучше будешь в умственном плане.

Положенная на место телефонная трубка едва не треснула на кусочки, свидетельствуя о достигнутом эффекте от произнесенных матерью слов.

– Мама! Почему ты так со мной обращаешься?! Хоть бы раз похвалила, а то одни упреки в мой адрес! Не видишь, что и без того мне плохо?

– Энн, стой, я не хотела... – но ее никто уже не слушал, ответом был топот бегущих ног по лестнице вверх к себе в комнату. Ее мать инстинктивно зажмурилась, когда дверь громко захлопнулась. Затем сверху на всю мощь заиграли песни хард-роковой группы. Это был признак того, что на этом малолетняя бунтарка ставит жирную точку в столь «приятном» семейном разговоре, по меньшей мере – сегодня.

– Привет, Софи, – как можно громче крикнул вернувшийся с работы отец семейства. – Гляжу, Энн опять включила своих крашенных мужиков с длинными волосами и в узких штанах! Что на этот раз?

Щелкнул выключатель пылесоса, и теперь в гостиной тишину нарушала только орущая сверху музыка.

– Да обиделась, что я ей напомнила о необходимости взяться за ум.

– Да, подростки нынче ранимые создания, чуть что – сразу проявляют свой юношеский максимализм и бескомпромиссность.

– Ладно, перебесится. Эд, ужинать будешь?

– Спасибо, но если честно, мне совсем не хочется, наелся сэндвичей на работе. А вот спать очень хочется, при том, что за день выпил ведро кофе. Мне завтра снова надо рано вставать, авралы, сама понимаешь.

Софи посмотрела на Эда, и ее переполнила легкая грусть: некогда стройный красавец уже обзавелся такими возрастными признаками, как небольшое брюшко и залысины, а ведь ему не было и сорока. Хотя высокий рост и лучистые карие глаза все еще были при нем, в отличии от прессы и кудрей цвета угля. «Время так бессердечно».

– Ну, тогда я послушаю вечерние новости, и присоединюсь к тебе.

Через несколько минут музыка умолкла: видно, Эд, по ходу в их общую спальню, поговорил с дочерью, уж между ними отношения были куда более дружескими. Усевшись поудобнее на диване абрикосового цвета с чашкой любимого ромашкового чая, Софи включила телевизор.

– «Мы прерываемся на экстренную новость! В деревне, которая находится в штате Иллинойс, произошло крушение самолета, никто не выжил...».

Чашка выскользнула из рук прямо на ковер кремового цвета, в полете которая при падении рисовала содержимым

огромное причудливое пятно, достойное модных современных полотен, но на данный момент Софи это мало волновало. Ее внимание полностью поглотили снятые кадры на экране. А телевизионщики с присущей им беспощадностью не брезговали демонстрацией жутких сцен с места происшествия. Но хуже то, что рассказывалось за кадром бесстрастным голосом:

– «По предварительным данным, этот самолет не был зарегистрирован ни в одной компании из всех ныне существующих в мире. Есть версия, что этот самолет, который пропал 30 лет назад...»

Дальше Софи не имела сил слушать страшные подробности, и не выключая телевизор, она в безумном волнении побежала в супружескую спальню, где Эд уже вовсю выдавал рулады своим храпом, что свидетельствовало об его сильном переутомлении.

– Эд, проснись сейчас же! – Софи трясла мужа, пока тот не уставился на нее с сонными глазами, не понимая толком, что случилось за то время, пока он спал. – Самолет разбился!

– Как? О чем ты говоришь, какой самолет? – Тот аж вскочил на кровати, будучи все еще в сильном недоумении, но уже без остатка драгоценного сна. – Почему ты так нервничаешь?

– Эд, тот самолет, в котором летели мои родители и брат! Они разбились сегодня!

Выпалив как духу, Софи с громкими рыданиями обесси-

лено присела на краешек кровати, закрывая свое раскрасневшейся лицо.

И тут Эда накрыла волна воспоминаний об их первой встрече. Они познакомились в библиотеке, которая находилась при университете. Их разделяли несколько лет разницы: она – первокурсница, он же заканчивал последний курс. Это был ясный весенний день, и вместо того, чтобы прогуливаться и наслаждаться видами проснувшейся природы, Эду пришлось безвылазно корпеть над книгами, потому что из-за вечных «потом» он рисковал завалить последние экзамены. Устав переваривать внезапно навалившуюся гору сложной информации, Эд вытянул ноги под столом, уставившись бесцельно куда-то в зал. И тут его внимание привлекла невысокая худенькая девушка с темной косой до поясницы. Он всегда находил сочетание темно-каштановых волос с голубыми глазами невозможно сногшибательным, и это в полной мере относилось к ней. Когда прекрасная студентка проходила мимо него, она заметила пристальный взгляд на себе, и ее четко очерченные пухлые губы поджались, чтобы спросить:

– Чего уставился? Дырку собрался на мне приделать?

Эд от неожиданности уронил ручку под стол, пристыженный ее неожиданным в плане тона вопросом.

– Да так, ничего. Прощу прощения.

Незнакомка хмыкнула, подняв бровь, и пошла дальше своей дорогой. Больше в ее сторону никто не глядел, вместо

этого вновь зашуршали страницы скучных учебников.

Как и в любые последние дни, Эд засиживался до самого закрытия библиотеки, проклиная свою безалаберность, с которой он родился. И когда наш горе-студент собирал свои канцелярские принадлежности, за его спиной появилась та самая девушка с косичкой.

– И снова здравствуйте.

Эд удивился ее уже более доброжелательному обращению в его адрес. Оглядел зал, и увидел, что они здесь единственные задержавшиеся, не считая сотрудников, которые косились, намекая, что пора и честь иметь.

– Ну, здравствуй, хочешь опять мне нагрубить? Если что, я не являюсь обладателем третьего глаза на затылке. – В его душе горел маленький костер обиды и чувства несправедливости.

– Нет, хочу попросить прощения, я вела себя очень грубо. Просто не знала как реагировать на такие внимательные рассматривания. Ты ведь первый, кто на меня так смотрел.

– Ну, девушка ты довольно привлекательная и красивая, почему бы не любоваться?

– Ой, шутник! На меня никто из парней не обращает внимание. – В последнем предложении можно было услышать, что ее это задевало.

– Ну, значит, дураки безнадежные! И очень слепые! Либо ты просто не замечала этого.

В этот вечер они вместе ушли из библиотеки, проболтав

всю дорогу к общежитию обо всем, о чем можно было поговорить новым приятелям.

Спустя два месяца после знакомства, как раз после третьего свидания в кинотеатре, сидя на лавочке в парке, Софи с озабоченным лицом попросила выслушать ее внимательно, потому что все, что она сейчас расскажет, прозвучит слишком невероятно. Чем больше она говорила, тем сильнее ощущалось, как нелегко дается ей это.

– Да, конечно, я слушаю. – Хоть Эд старался сохранять участливое выражение лица, он не без опаски раздумывал о том, что она ему хочет поведать. Неужели в ее роду не обошлось без вампиров? Или она отметила двухсотлетний юбилей? В общем, в душе он почему-то был настроен на шуточный тон.

– Эд, ты ведь заметил, что я говорю больше о бабушке, но ничего об остальных членах моей семьи. Это тебя удивляло, ведь так?

– Да, заметил. Но я решил, что ты просто не хочешь поднимать эту тему.

– Придется начать издалека, хотя нет, подожди: для начала, мой дедушка умер четыре года назад, его сердце не выдержало, и тому была причина, годами точившая его изнутри.

– Соболезную, смерть близких – это всегда ужасно.

– Так вот, помимо дедушки, пусть земля ему будет пухом... Черт, мне так сложно об этом даже думать! Когда мне

было всего шесть лет, в моей семье случилось трагедия, – и тут Софи запнулась, глаза ее повлажнели, – я тогда наелась грязных ягод с бабушкиных кустов в саду, тогда как мой брат... – на этом слове в голосе отдавалась боль, – их не ел, потому что слушался маму и папу, которые ему внушили, что нельзя есть немытое. А, я будучи маленькой непослушной девочкой, наелась от души, и к вечеру слегла с болью в животе и повышенной температурой. Именно в этот вечер у нас были билеты на тот злосчастный рейс, чтобы лететь к себе домой, в Кристал Лейк. Речи о том, чтобы взять меня, быть не могло, слишком плохо себя чувствовала для двухчасового полета. Родители не хотели улетать без меня. Но бабушка уговорила их, убеждая, что она лично привезет меня домой, как только самочувствие это позволит. Никто не мог предугадать того, что случилось во время полета...

Эд не торопился, потому что понимал, как тяжело ей дается рассказывать ему о семейной трагедии, ограничиваясь лишь понимающим выражением лица. Конечно, всякие глупости о вампирах покинули его голову.

– Дедушка вызвался их провести, потому что за мной надо было кому-то смотреть, и эта миссия возлагалась на бабушку. Когда он вернулся, все было в порядке, и на этой ноте мы проспали спокойно до утра, не ведая о том, что случилось нечто ужасное и не поддающееся логике.

Эду казалось, что он догадывается, что случилось с тем самолетом, но его насторожили последние три слова. Если

самолет упал, то почему такое должно подаваться логическим умозаключениям?

– Утром по радио сообщили, что самолет, на котором летели мои родители и Кевин, бесследно исчез.

– Как это «бесследно исчез»?

– А так! Его потеряли из радаров на 54-й минуте полета. Сообщалось, что пилоты указывали на сбой и сильные тряски, и потом все. Самолет искали по всем местам, где он теоретически должен был упасть, то есть в лесах, пустынях, так и в водоемах, прочесывая каждый дюйм. Но безрезультатно.

И тут Софи перестала себя сдерживать, и по ее румяным щекам градом покатались горячие слезы. Эд обнял ее, заговаривая: «Не плачь, малышка!».

– Понимаешь, хоть это жутко прозвучит, но если бы они и правда погибли, мне было чуточку легче, но нет, живу двенадцать лет с надеждой, что когда-нибудь они объявятся целыми и невредимыми. Не было ни одного дня, когда я когда просыпалась утром и не думала: «Это, наверное, мне снится плохой сон. Сейчас ко мне пойдет мама, чтобы чмокнуть в щеку и сказать «Доброе утро». С того злосчастного дня я не возвращалась к себе домой, бабушка с дедушкой не могли найти в себе силы посещать пустой дом пропавшей дочери, боялись, что не выдержат, и оставят, в таком случае, меня совсем круглой сиротой. Хоть дед ни разу не заговаривал на эту тему, однако как-то раз я застала его за просмотром фотографий с моей мамой и братом. Его лицо было ужас-

но печальным, от чего морщины приобретали еще большую резкость, придавая ему на двадцать лет более старший вид. Особенно ужасно воспринимались нами периодические новости об упавших самолетах, но всякий раз, ни один из них не был тем САМЫМ. В общем, мы никак не могли абстрагироваться и жить дальше. Каждого из нас троих переполняло страдание и непонимание того, как можно пропасть так бесследно, обладая такими габаритами.

Софи замолкла, переводя дух в объятиях Эда. Тот ничего не отвечал, потому что боялся сказать по неосторожности что-то неуместное, предпочитая роль понимающего слушателя. Но то, что он услышал далее от нее, не могло не повергнуть его в состояние растерянности:

– К чему была эта исповедь: я хочу впервые за столько лет посетить свой родной дом.

Так уверенно это прозвучало, что свидетельствовало о том, что сие решение принималось не спонтанным образом пять минут назад.

– Ты действительно уверена, что хочешь этого?

– Конечно, я давно желала проведать то место, где прошли мои самые ранние годы. Теперь мне достаточно лет, чтобы совершить задуманное. Правда, бабушке я еще не говорила об этом. Ты – первый, кому довелось услышать о моих намерениях. Думаю, она не будет возражать. А если и будет, то все равно не сможет мне ничем помешать. Но...

– Да?

– Но мне нужен тот, кому я доверяю как самой себе, чтобы полететь туда. И поэтому я прошу тебя: пожалуйста, окажи мне свое сопровождение.

Эда настолько порадовал тот факт, что она ему оказывает такое доверие, что стало причиной его рефлекторного: «Да без проблем!». Тот случай, когда язык – враг своему владельцу.

Упав в свою кровать, Эд почувствовал, как у него бешено бьется сердце, а тело охватывает неприятный холодок. Ему ни разу за всю свою недолгую жизнь не доводилось пользоваться услугами воздушного перевозчика, так как не было особой нужды куда-то далеко отправляться, ведь было достаточно старых добрых автобусов и поездов. Помимо тех страшных новостей о падениях самолетов, его страх усиливала история от Софи. Меньше всего хотелось отказывать ей в просьбе, хотя он и в самом деле искренне вызвался ей помочь, не думая в ту секунду о своих страхах. Одинокое валяясь в полутемной комнате, Эду стало трудно отвлекаться от размышлений, тяготивших его душу.

– Привет, Эд! – В комнату завалился сосед, и судя по шаткой походке и помятой одежде, уже успевший накатить. Он еле стоял на ногах, глядя невидящим взором куда-то в сторону.

– Привет, Гарри! Что на этот раз?

– Почему сразу «что на этот раз»? Не могу я повеселиться, а? На то они и студенческие годы, что куражиться как

в последний раз! Не будь таким скучным!

Эд не стал ему говорить, что помимо вечеринок есть обязанности вроде учебы. Но, во-первых, раньше Эд и сам практически не вылезал из типичных студенческих развлечений, уделяя время образованию лишь в самых последних моментах, но благо, ему хватало способностей наверстывать и сдавать на «Отлично». А во-вторых, сосед – типичный представитель тех богатеньких детишек, которым постоянно все сходит с рук. Гарри задумчиво почесал свою макушку, после чего упал ничком на свою кровать, чей громкий храп отзывался эхом по небольшой комнате.

Эд за годы жизни с Гарри в одной комнате привык к его редким руладам, но все же, сейчас они ему мешали сосредоточиться на своих размышлениях. «Черт, ничего страшного не случится! Туда и обратно, больше не буду рисковать, а за эти два рейса не обязательно произойдет катастрофа. Что я как мальчишка, ей-богу!». Почти убедив себя, Эд незаметно для себя уснул.

Радости Эда не было предела, когда он вступил на землю по прилету в город, где когда-то жила Софи. Будь его воля, он бы так и поцеловал асфальт на взлетной полосе. Несмотря на то, что перед рейсом он выпил пару рюмок крепкого напитка, он все равно сильно нервничал весь полет. Лишь голова слегка кружилась – сомнительный эффект вместо желанного успокоения. Софи же, наоборот, сохраняла недюжинное самообладание, хотя никому не дано залезть ей в голову,

чтобы узнать, какие, на самом деле, ее переполняют эмоции. За все время знакомства, ей не было свойственно проявлять отрицательные эмоции, от чего казалось, что в ней есть что-то искусственное, словно это не живой человек со своими «тараканами».

Как и в самолете, в такси Софи, по большей части, опять сохраняла молчание, лишь крепко держалась за руки Эда. Чем ближе они подъезжали к дому, тем сильнее тряслись руки Софи. Последней оставалась длинная улица, по которой располагались одно- и двухэтажные дома преимущественно светлых цветов. Эд, будучи человеком выросшим в каменных джунглях, не мог оторвать свой взгляд от ухоженных лужаек и клумб, а также ряда густых деревьев. Но среди всего этого великолепия выделялся дом, кричащий о своей заброшенности и запущенности. Вот именно возле него и остановилось такси. Пока Эд расплачивался с таксистом за поездку, Софи с нарастающим волнением шагала к видавшим лучшие времена дверям, сжимая в кулаке запасной ключ, столько лет хранившийся у бабушки. Кругом возле дома заросло сорняками, а кое-где можно было обнаружить следы мелкого мусора. В одном из окон на первом этаже зияла огромная дырка. Снаружи краска уже порядком облезла, а лестница угрожающе скрипела под ногами.

Софи набрала побольше воздуха в легкие, прежде чем сунуть ключ в замочную скважину. Словно обрадовавшись долгожданному появлению хозяйки, замок моментально от-

ворился. Распахнув дверь, Софи едва не задохнулась: в воздухе витала многолетняя пыль и душный аромат сырости. Сочетание все этого производило удушающий эффект. Софи оперлась рукой об стену, чтобы не упасть. Когда она уезжала из этого дома, казалось на время, в холле стояли два огромных напольных горшка с непонятными растениями, а у дорожки лежал коврик, купленный мамой накануне отъезда к бабушке.

– Как же мне повезло его схватить из рук миссис Джервилл, уж наивно было с ее стороны думать, что такая красота пройдет мимо меня! Три раза ха! Не на ту напала!

Коврик служил очередным украшением в придачу к вышеупомянутым горшкам с растениями, а также еще к десяткам фотографиям и картинам в рамах, которые висели на стене под лестницей, и как раз напротив входной двери. Теперь из всего этого остались лишь порванные и потрепанные фотографии, вытащенные из рамок и брошенные на пол.

– Софи, тебе следовало подождать меня, – послышался сзади обеспокоенный голос Эда, едва перебивающий торопливый топот его ног по угрожающе скрипящему полу.

И тут Софи прорвало: она бросилась к Эду, намокая его полосатую рубашку прорвавшимся потоком из своих слез.

– Они осквернили мой дом, опустошив его! Ты видишь, здесь ничего не осталось, кроме совсем личных вещей! Как они могли?! Неужели у этих уродов нет ничего святого?!

Эд, как всегда, мудро не отвечал, давая ей выговориться,

а сам временем осматривал удручающую обстановку. Действительно, кругом стояли голые стены, лишь местами где-то лежали изувеченные фотографии, бумаги, засохшие растения, мусор в виде окурков и упаковок из-под еды, принесенные явно извне. Помимо этого, присутствовали следы значительного повреждения; вон в гостиной зияла дырка в стене, а под разбитым окном набух пол, потолок частично обвалился, обнажая деревянные перекрытия. «Как они еще входную дверь не сняли» – подумал Эд, кипя от возмущения, поглаживая благоверную по спине, пока она не успокоилась.

– Ладно, поднимемся на второй этаж. – Заявила она глухим голосом.

– Зачем, там же наверняка та же картина, и вдруг еще чего, например, свалимся вниз и переломаем себе все кости?

– Я не уйду отсюда, пока не осмотрю каждый квадратный дюйм. Не для того я прилетела, чтобы так сразу уйти, переступив порог.

С опаской поднимаясь на второй этаж, Софи крепко прижимала к своей груди собранные фотографии, словно священную реликвию. В ее спальне, как и в других, точно так же было пусто. Ей не оставили даже тот домик, который был сделан из пластилина ее руками. И альбомы с многочисленными рисунками, на которых изображалась ее семья в полном сборе. Да вообще ничего! Казалось бы: вещи, которые никому и не нужны даже даром, а оказывается, и им нашлось применение. Повторяя про себя словно мантру обещание

данное самой себе не терять самообладания, Софи не становилось легче. Напротив, отчаяние только приобретало больше мощи, и в каждую секунду оно могло вырваться наружу девятым валом.

– Меня лишили воспоминаний, понимаешь? – надрывная нотка в голосе красноречиво свидетельствовала о требовании в немедленной поддержке и помощи. Эд вывел ее на улицу, не встречая никакого сопротивления со стороны несчастной сироты. Софи на этот раз не рыдала, но в ее руках фотографии снова превращались в мятые комки.

Из дома напротив вышла пожилая дама худощавого телосложения. На ней был брючный костюм темно-вишневого цвета, а седую голову украшала маленькая шляпа черного цвета с цветком с кружевным обрамлением. Увидев двух молодых людей у заброшенного дома, она явно передумала идти своей дорогой и засеменила к ним, придерживая свою сумочку, которая постоянно спадала с ее плеча. Приближаясь к неведомой ей паре, она заметила, что входная дверь забытого дома открыта нараспашку.

– Вы, наверное, дом хотите купить? Так вот я бы не рекомендовала... Недалеко отсюда есть вариант получше.

Софи, услышав это, вытаращила красные глаза на чересчур любопытную тетку, пытаясь вспомнить ее имя. А та продолжала гнуть свое:

– Ну, знаете, говорят, семья, что жила здесь, разбилась в небе, а вдруг их призраки обитают здесь? Оно вам надо?

Или вам просто не карману купить дом без сомнительной истории? Тогда не стоит торопиться.

Эда разозлила такая словоохотливость и бестактность.

– Нет, мы не покупатели! И призраков не существуют, поменьше смотрите второсортные фильмы. Или не читайте желтые газетенки, откуда Вы там берете всю ту сверхъестественную чушь.

– Да Вы – хам, молодой человек! – поджала свои тонкие губы старуха, в очередной раз поднимая упрямую сумку к плечу.

Софи не в силах наблюдать за нарастающим скандалом, обратилась к пожилой даме:

– Вы меня, наверное, не помните, но я здесь раньше жила. Моё имя – Софи Дэвис.

Соседка вскрикнула, подняв свои руки к ошарашенному морщинистому лицу:

– Как это? Ты же это... Разве не летела вместе с...? Почему не приезжала столько лет? И-и-и...

– Это долгая история, простите не помню Вашего имени.

– Миссис Уорнер. Это просто невероятно, но все же, что происходит? Ты же не просто так сюда наведалась спустя столько лет?

– Ну, понимаете, я приехала сюда, чтобы утолить свою жажду в воспоминаниях, но увы. Лучше бы я этого всего не видела!

– Софи, если тебе сейчас никуда не надо срочно, то пошли

ко мне на чашку чая, там все и обсудим! Приглашаю также и молодого человека...

– А, это Эд! Мой парень, простите его за резкие слова, он вообще-то очень воспитанный человек, и такое себе не позволял прежде. Не знаю, что на него нашло.

– Ой, ничего страшного, надо понимать, я сама напросилась. Ну, так пойдем? У меня и фирменный десерт припасен, сама пекла. Вы обязаны его отведать!

– Но Вы же куда-то собирались?

– Ой, какая чепуха! Позвоню и скажу, что у меня снова приступ мигрени, никто не удивится.

Усевшись за столом, Софи стала осматривать кухню мисс Уорнер. Все было в нежно-персиковых цветах, что очень красиво смотрелось при солнечных лучах, которые смело заглядывали сквозь огромное окно, украшенным тюлем. На столе стоял свежий букет из цветов, едва ли перебивавшие аромат свежесваренного кофе. Помимо чашек с горячим напитком, на столе стояла большая тарелка с соблазнительными эклерами.

– Угощайтесь, как я уже говорила: сама пекла, а есть некому.

Эд, будучи заядлым сладкоежкой, взял себе сразу три штуки, которые сразу же улетучились в его рту, когда как его чашка с дымящимся кофе была испита лишь наполовину.

Миссис Уорнер с довольной улыбкой глядела на ажиотаж вокруг ее кулинарного творения. Сделав пару глотков из сво-

ей чашки, она посчитала, что сейчас самый подходящий момент начать разговор.

– Ну что, Софи, рассказывай, если есть желание, конечно.

Хозяйка дома замечала, что Софи не терпится поделиться историей касательно своей семьи и весомой цели своего приезда, о чем та и поведала ровно столько, что и Эду после того свидания в кинотеатре.

– Очень жаль, милочка, что такое случилось! Я была на короткой ноге с твоими родителями, замечательные люди! Как и Кевин, более хорошего и красивого мальчика не встречала за всю свою долгую жизнь. В голове не укладывается, что такое случилось. Может... – дальше миссис Уорнер прикусила свой язык, дабы не продолжить бестактную фразу «неспроста ты слегла тогда, твоё недомогание должно было их удержать от полета на том злополучном самолете».

– Да, миссис Уорнер? – Софи пребывала в ожидании того, что та договорит излагаемую мысль.

– Да так, не обращай внимание! Ты кушай, сладкое поднимает настроение. Вон твой парень явно оценил мои пирожные.

Эд уже дожевывал пятый эклер, а его блаженная улыбка говорила об вкусовом экстазе.

Софи для вида откусила пару раз пирожное, чтобы не расстраивать милую пожилую соседку. Хотя ей кусок в горло не лез, настолько не отпускало ее после обнаружения дома опустошенным и разгромленным.

– Очень вкусно, вкуснее всего того, что мне доводилось есть раньше. Надеюсь, что дождусь от Вас рецепта.

– Ох, не стоит преувеличивать, но спасибо на добром слове. – Старуха смущенно отмахнулась, с улыбкой допивая свой кофе.

– Ладно, перейдем к делу, – тон Софи был серьезен, – миссис Уорнер, как же было допущено, что из дома все вынесли?

– А так, кому-то удалось пронюхать, что дом стоит пустой не один год, и по ночам незаметно для всех вынесли, что можно было.

– Как можно вынести НЕЗАМЕТНО мебель и крупные предметы?

– А тут я не знаю, говорю так, как мне поведали. Меня редко можно застать дома, и бывало даже такое, что сидела у дочери полгода, помогая ей с маленьким ребенком, то еще что-то из ряда форс-мажоров. Полиция не проявляла особого желание разбираться в этом деле, потому что заявление не поступало от хозяев, а у них и так работы хватает. Если мне не изменяет память, то инцидент произошел около пяти лет назад.

– И никто даже моей бабушке не позвонил?

– Почему же, звонили...

Щеки Софи запылали: любимая бабушка все знала, но ни словом не обмолвилась за все эти годы, даже перед отъездом. Миссис Уорнер поняла, что ляпнула лишнего, обратилась к Эду, который благополучно доедал последнее пирож-

ное:

– Впервые вижу, как кто-то уминает мои эклеры с таким удовольствием!

– Они божественны! – Протрямлил Эд, вытирая бумажной салфеткой запачканную нижнюю часть лица. – Спасибо Вам огромное!

Глядя на своего любимого, впервые в такой ипостаси, Софи отвлеклась от мысли о бабушке и не смогла сдержать улыбки.

– Ты меня удивляешь! У тебя там ничего еще не слиплось, а, злостный пожиратель эклеров?

– Это не рекорд для меня, поверьте мне на слово!

Смех всех троих разрядил слегка напряженную обстановку. Однако Софи не могла не продолжить, чтобы поделиться своей идеей:

– Я тут подумала, что не могу продать дом, но хочу привести его в порядок и сдавать.

– Отличная идея, – тут же одобрительно кивнула гостеприимная хозяйка. Но Эд услышав это, не мог не задать логичный вопрос:

– Но ремонт и мебель, это же требует немалых финансовых вложений, особенно с нуля!

– Знаю, у меня есть кое-какие сбережения на банковском счету, открытый когда-то моими родителями. До совершеннолетия им нельзя было воспользоваться, но теперь пришло время. Все равно эти деньги мне приносят страдания, напо-

миная о том, чего я лишилась.

Эд не одобрял ее намерения касательного дома, но не стал переубеждать, понимая, что в любом случае будет так, как она хочет.

– Жить здесь я не смогу, как и продать тоже, так что не останусь в накладе: и овцы целы, и волки сыты.

На следующий день Софи с Эдом улетели обратно к себе домой. Закончив учебный год, каждый занялся своим делом: вчерашний выпускник нашел работу в престижной компании на испытательных условиях, чтобы затем стать незаменимым сотрудником, а она – иногда летала на историческую родину, чтобы контролировать процесс восстановления жилищного состояния дома, не забрасывая при этом учебу.

К Рождеству они поженились и поселились в квартире за пределами центра города, но им и этого было более, чем достаточно. Через четыре года родилась Энн, и еще спустя три года – Келли. Внешне обе девочки пошли в своего отца: унаследовав яркие черты лица, от чего неизменно получали комплименты от каждого, кто их лицезрел. До недавнего времени, в семье царила идиллия, не считая редких незначительных скандалов, но они только укрепляли чувства между супругами.

– Эд, ты меня слушаешь?! – взволнованно вопрошала Софи, вырывая тем самым мужа из внезапных воспоминаний. – Повтори, что я только что сказала?

– Ну, что нашелся тот самый самолет...

– Что и требовалось доказать! Ты снова витаешь в облаках! Говорю еще раз: я собираюсь лететь туда, где упал самолет!

– Но зачем? Ты же только больнее себе сделаешь!

– Я хочу видеть лица моих родителей и брата, хоть и мертвых! Как и присутствовать на похоронах. Зная, что все наверняка кончено, мне станет только легче.

– И что, прикажешь всем нам срываться туда, бросая все свои дела? – не без тени раздражения в голосе бросил Эд, вставая с кровати.

– Нет, я полечу туда одна, – и в голосе сквозила уверенная твердость. – Не хочу подвергать девочек сильному стрессу, тем более у Энн сейчас переходный период, оно ей не надо.

– Для начала, ты бы спросила у них что ли.

– Спросить что? Я – взрослый человек, и только я сама за себя решаю, отправляться мне туда или нет. Девочки достаточно взрослые, чтобы обойтись без матери пару дней. Тем более, у них есть ты.

– Поступай, как знаешь! – Раздосадовано ответил Эд, выходя из спальни. Софи, почувствовав сильную дрожь по всему телу, скрылась на кровати под одеялом. Не дождавшись возвращения супруга в супружескую постель, она предалась сладким сновидениям.

Чикаго

Софи едва сдерживала свое нарастающее желание вскочить со своего кресла, глядя в сторону аэропорта сквозь круглое окно самолета. Там остались муж и дочери, которые без энтузиазма восприняли ее порыв сорваться в непонятное место. Келли-то не старалась сдерживать свои слезы, уткнувшись лицом в своего игрушечного кролика. Несмотря на приближающийся подростковый возраст, она в минуты стресса превращалась в маленького ребенка, ищущего утешение в плюшевом создании, которое было подарено прабабушкой на трехлетие.

– Мама, ты возвращайся целой и невредимой! – Ей казалось, что раз упал один какой-то самолет, то упадет и другой с ее мамой.

– Ну, что ты! По статистике, это самый безопасный транспорт из всех возможных! Ты не успеешь даже соскучиться по мне.

– Я уже скучаю. – не унималась Келли, держась крепко за руку матери.

И вот прокручивая в своей голове эту сцену, Софи тяжело вдыхала. У нее и так была боязнь летать, о чем никому не говорила, и такие опасения со стороны дочери лишь подливали масла в огонь.

Если раньше она переживала за себя, то теперь у нее

появился страх оставить дочерей наполовину сиротами. Ей меньше всего хотелось, чтобы кто-то из них испытывал и долю тех душевных мучений, как и она с шестилетнего возраста. Наконец-то самолет начал взлетать, не оставляя замешкавшейся Софи другого выбора. Чему быть – того не миновать.

Хоть ей место и досталось у окна, однако ее взгляд был устремлен в середину самолета, так она меньше нервничала, не заостряя внимание на сплошных облаках. Они вызывали у нее полубморочное состояние из-за отчетливого осознания, что сия гигантская машина свободно летала в воздухе, безо всякой опоры, обходясь техническими возможностями. И что от нее ничего не зависит, от чего терялось чувство контроля.

– Кевин, ты куда побежал? Вернись сейчас же! – в проходе из задних рядов выскочила фигурка мальчика с золотистыми кудрями, бежавшая куда-то вперед. У Софи бешено заколотилось сердце, а голова невыносимо заболела, угрожая расколоться на части. Мальчик развернулся, что бы побежать обратно туда, откуда он выскочил. Лицом он мало напоминал любимого брата, и Софи стало почти что легче. Ее покидала уверенность в своих силах, потому что сейчас она начала осознавать ту горькую действительность: родителей и Кевина нет в живых. И никого не было рядом, чтобы оказать моральную поддержку.

Дальше полет прошел безо всяких эксцессов, разве что

покачало в зоне турбулентности, но Софи не замечала этого, потому что пребывала в своем исступлении, которое сопровождало ее до самой посадки.

Такси, на котором Софи добиралась на кладбище, едва двигалось из-за жуткой пробки. Поскольку масштаб и необычность трагедии потрясло всю страну, сюда ринулось полно народу из зевак. К счастью или сожалению, место и время похорон было объявлено по всем средствам массовой информации, что и привело к тому, что нашлась куча желающих увидеть все это воочию. Если это не простое желание разделить горе, то грош цена таким ротозеям.

Софи стала охватывать паника: а вдруг она не успеет к самой церемонии похорон? Ведь если захоронят без нее, то не будет столь желанной полной уверенности, что под землей именно те, кто был ей близок в детстве. Хотя и утверждалось, что гробы у всех закрыты во избежания демонстрации излишнее жутких увечий, полученных при падении и возникшем пожаре, но у нее была слабая надежда воспользоваться правом родственника, чтобы ей их открыли. Словно она обладала даром опознавать неопознаваемое.

– Вы, леди, можете, пойти пешком, туда идти всего пять кварталов, – раздался голос таксиста, полного лысоватого мужчины в очках и гавайской рубашке, – на машине так мы и до вечера не доплетемся, пробка сегодня, на редкость, катастрофическая.

Расспросив его подробнее о маршруте к кладбищу, и рас-

платившись сверх положенного, Софи практически побежала в нужном направлении, но к концу первого квартала у нее заболело в правом боку, да и ноги, обутые в черные туфли на высоких каблуках, давали о себе знать.

С трудом и тяжелым сердцем она вошла на территорию кладбища, где стояла огромная безумная толпа. Ее охватило всепоглощающее уныние, но заметив у ворот пожилого мужчину в военной форме и фуражке, подошла к нему.

– Здравствуйте, я – Софи Дэвис.

– Да, добрый день! Ваше имя мне должно о чем-то говорить?

– Да, вот мои документы, я дочь погибших Лорен и Джеймса Дэвисов. Могу я присутствовать на похоронах?

– Ах, подождите минутку, – и мужчина, взяв документы, куда-то отошел за пределами кладбища.

Его возвращение было, более чем скорым.

– Да, вы можете пройти. Прошу Вас следовать за мной. – И военный повел ее в обход толпы, которая только еще больше собиралась. Софи испытала большое облегчение, увидев ограду спереди собравшихся. Напротив гробов стоял ряд раскладных стульев, уже наполовину занятый.

– Прошу Вас присесть здесь, – ей указали на ряд свободных стульев. Софи замешкалась. – Вас что-то не устраивает?

– Нет, то есть, да. У меня есть небольшая просьба... – она перешла на шепот, – могу я взглянуть на лица моих родных?

– Нет, вас должны были предупредить, что гробы закры-

тые. Причина Вам, как родственнице, должна быть известна.

– Ну, пожалуйста! Неужели Вы не дадите взглянуть на них в последний раз?

– Приказ есть приказ, не мне решать.

У Софи затряслись руки; ей было морально тяжело принять столь решительный отказ, рушащий ее последнюю надежду. Прижав платок к красным глазам, она стояла у гробов, загоразвивая вид сидящим, а их становилось все больше.

– Леди, сядьте, пожалуйста, Вы мешаете проведению церемонии... – одернул ее военный, украдкой глядя куда-то в сторону.

– Ну, хоть на брата я могу посмотреть? – цепляясь за последнюю надежду, сбивчиво спросила Софи, по-прежнему не меняя позы.

– Брата? – недоуменно переспросил тот.

– Да, мальчика лет восьми. У него такая копна кудрей соломенного цвета! А над бровью небольшой шрам. Имя ему Кевин Дэвис! – убрав мокрый платок с лица, с вызовом ответила Софи.

– Хм, нет, простите, мадам, ни родителей, ни брата. Гробы наглухо закрыты, так что при всем моем желании, я не могу пойти Вам навстречу. Да и представьте, что будет, если все станут пялиться на своих погибших родственников, некоторые тела больше напоминают угли, ведь произошел пожар. Вам следовало прибыть раньше, на опознание, но теперь, увы. – Мужчина явно начал считать ее сумасшедшей, иначе

какому нормальному человеку захочется смотреть на обгоревшие тела?

Софи с горем села на жесткий стул в пятом ряду. Ее кольнула сама мысль о том, что только бабушке выпала участь опознать тела, тогда как самой Софи не удалось вырваться пораньше, ей только позвонили и пригласили посетить уже саму церемонию. На вопрос почему ее не привлекли, последовал сухой ответ, что вряд ли она из-за того, что была маленькой девочкой, даст нужную информацию. Позже позвонила и бабушка, чтобы сообщить об отказе прилететь на похороны под предлогом, что боится получить инфаркт при виде гроба с погибшей дочерью, не отходя от места, и вдобавок к трем телам придется похоронить еще одного. Церемония прошла для Софи как в тумане: ее не волновали пламенные речи и оркестровая музыка, казавшие ей полной несусразицей, лишавшая людей права на тихое оплакивание погибших членов семьи и даже друзей. Лишь под конец, когда ей разрешили кинуть горсть земли, она старалась запомнить все по последним мелочей, особенно месторасположение могил ради дальнейших визитов. После завершения ей не хотелось идти в отель, ведь запланированный рейс только завтра. Софи стало страшно оставаться сейчас в полном одиночестве, с ее звенящей тишиной и беспросветной пустотой. Она не имела права впадать в депрессию хотя бы из-за детей, и поэтому на выходе заметив целый ряд такси у кладбища, она подбежала к одному из них, стоявшему третьим с нача-

ла. Молча усевшись на заднем сидении, Софи стала придумывать, куда ей хочется поехать сейчас.

– Куда везти? – не дождавшись указаний, таксист сам поинтересовался, рассматривая пассажирку с помощью зеркала над передними сиденьями.

– Если честно, не знаю, в этом месте мне не доводилось бывать раньше. А хотя, знаете, что? Везите меня куда-то без определенной цели и к месту на Ваше усмотрение, я Вам заплачу, сколько скажете.

– Раз заплатите, то не имею возражений. Клиент всегда прав.

Таксист вырулил на дорогу, которая опять-таки не могла похвастаться отсутствием пробки, хотя ее таковой нельзя было назвать, если вспомнить дорогу сюда. После десяти минут черепашьей скорости между машин, такси на перекрестке вырулило на дорогу, куда более свободную, чем параллельную от нее. По сторонам вместо высоких домов возвышались деревья и изредка одноэтажные хижины.

– Вы можете ехать на небольшой скорости, я хочу предаться любованием видом из окна.

– Не вопрос, как Вы помните, любой каприз за Ваши кровные, – одобряющее кивнул таксист.

– Вы и радио можете включить, чтобы не так скучно было.

– Вы уверены? В такие моменты, говорят, слушать музыку – большой грех, неуважением к почившим.

– Грех – не давать родственникам глянуть на своих погиб-

ших членов семьи, – неожиданно для себя Софи не сдержала данный самой себе зарок не рассказывать посторонним о своих горестях.

Водитель, будто не заметив ее выпада, потянулся рукой к кнопке включения, приговаривая: «Да мне-то что, просто уточнил. Примите мои соболезнования».

– Спасибо. – Бесцветно ответила Софи, прижавшись головой к оконному стеклу.

– «А сейчас встречайте Simple Minds с их, не побоюсь этого громкого слова, самой лучшей песней Alive and Kicking! Делайте громкость на ваших радиоприемниках до максимальной отметки и наслаждайтесь!» – с пылом вещал радиоведущий. Услышав только «You turn me on, you lift me up», Софи уже нашла вокал солиста безумно манящим и бархатным, что очень контрастировало с голосами тех, которых любила врубать на полную громкость Энн. От вечных завываний и агрессивной музыки у нее только голова болела, а тут она прониклась тембром, текстом и мелодией. «Надо бы запомнить название этой группы. Куплю диск, когда вернусь домой» – мелькнуло у нее в мыслях, прежде, чем снова кольнуло в ее сердце при воспоминаниях о сценах на кладбище.

Когда песня закончилась и ее сменили на то, что и так постоянно играло в ее доме, она попросила таксиста прикрутить громкость Тот ничего не сказав, выполнил просьбу с предельной скоростью.

– Куда мы едем? – спросила спустя десять минут Софи,

прервав гул мотора машины.

– Ну, наша конечная остановка – река, а потом мы развернемся. Дорога туда займет около пятнадцати минут, если, конечно, не менять скорости.

Софи молча сидела, глядя по сторонам, усеянные сплошными деревьями и кустами. Не доезжая до реки, ей вдруг показалось, что она увидела... Кевина по правую сторону дороги.

– Остановитесь сейчас же, пожалуйста! – крикнула она водителю, от чего тот от неожиданности крутанул руль так, что машину при торможении занесло боком ровно на середине дороги.

– Да Вы – сумасшедшая! – гнев и испуг переполняли его от кончиков ногтей, а сердце словно просилось наружу, бешено отбивая темп.

– Возьмите на всякий случай, подождите меня, если я не вернусь в течение двадцати минут, то можете уезжать! – Софи не глядя, вытащила из кошелька купюры, оставляя их на переднем сиденье. Водитель даже не успел пискнуть, когда она выскочила из машины. «Эта дамочка хоть и чокнутая, но щедрая» – не без удовольствия подумал таксист, считая деньги. И только потом он развернул машину как положено, чтобы простоять отведенное время.

«Как же я ненавижу эти чертовы туфли» – думала Софи, когда бежала туда, где ей померещился Кевин. Или не померещился? Ей на секунду стало страшно: если она уже сле-

тела с катушек, то зачем такое «счастье» мужу и дочерям? Нет, правда, не впервые попадаетея некто похожий на ее погибшего брата. «Успокойся! Он погиб окончательно и бесповоротно! Не станут же хоронить никого» – в таком духе роились мысли в голове Софи, а ноги упрямо несли вперед по неудобной дороге.

Приблизившись к какой-то поляне, скрывающуюся за деревьями со стороны дороги, до ее ушей донеслись голоса. Один принадлежал мужчине, явно немолодому, а второй – ребенку. Их нельзя было увидеть из-за высоких кустов, но сдвинув их, Софи увидела высокого худого старика, а затем... Ей было сложно поверить в увиденное. Рядом с мужчиной стоял курчавый мальчик примерно лет восьми, до ужаса напомилавший Кевина. Шрам над левой кровью не оставлял сомнений, что это именно брат. Слишком чересчур как для совпадений.

– О боже мой! – и тут те двое увидели, что они не одни на поляне. Их ноги рванули куда-то, на что Софи закричала: «Стойте, куда же вы?!». Приняв решение скинуть неудобные для бега туфли, она мужественно последовала за ними, крича то же самое, однако фигуры убегающих становились все меньше. Ей было дико больно, потому что под голыми ногами попадались мелкие камни, палки, колючая трава. И вот Софи падает, держась за левую стопу, которая наткнулась на откуда-то взявшийся осколок из стекла. Подавляя в себе желание вытащить его, чтобы не спровоцировать силь-

ное кровотечение, она пыталась встать, но сильная боль была слишком большой преградой для этого. Теперь же крики сменились стонами страждущей. Спустя некоторое время, не надеясь уже ни на что и смирившись с мучительным концом ее жизни, Софи увидела перед собой того пожилого мужчину, что удрал от нее вместе с мальчиком. Его выцветшие глаза недоверчиво на нее смотрели. Видимо в нем боролись два желания: помочь или бросить на съедение диким зверям.

– Вы кто такая? Что Вам от нас нужно?

– Я – сестра Кевина!

– Какого такого «Кевина»? Не знаю такого.

– Того мальчика, который гулял с Вами.

– Его имя – Арчи. И так, что Вам на самом деле от нас нужно?

– Мне надо его увидеть.

– Опять таки, зачем? Может быть, Вы – «подсадная утка», которая хочет забрать мальчика, чтобы запереть в клетке, словно подопытную мышь? Говорите только правду!

Софи испугалась, а вдруг этот странный параноик убьет ее прямо здесь?

– О чем Вы, черт побери, говорите? Какие утки, клетки, мне больно, а вы тут меня в чем-то подозреваете!

Вместо ответа последовал долгий оценивающий взгляд, и тут он наклоняется, на что Софи испуганно закричала, размахивая своими руками:

– Что Вы со мной собираетесь делать? У меня дома две дочери, не убивайте меня, пожалуйста! Я никому ничего не скажу!

Старик, услышав это, засмеялся, словно ему анекдот года рассказали.

– Эх, дура Вы невозможная. Я Вас хотел на руки взять, чтобы отнести к себе в хижину, и там обработать раненую ногу. Раз не хотите, дело Ваше. Я пошел.

– Стойте! – Софи с мольбой в голосе обратилась к нему, когда он развернулся, чтобы уйти.

– Эх! Тяжелая вы, – удрученно отметил старик, пытаясь поднять Софи, и что та обиженно поджала губы. Да, она немного поправилась за последние пару лет, но не до слоновьего веса же! – Ладно. Облокотитесь на меня, и ступайте на здоровую ногу. Да, туфли лучше надеть, а то еще вторую травмируете, с моей больной спиной мне Вас не донести. Не переживайте, дорога недолгая.

Хоть дорога и правда не была длинной, но Софи так не казалось, плюс она боялась подвернуть вторую из-за шаткого каблука.

Наконец-то перед ее глазами наметился захудалый дом, из которой выскочила одноглазая собака, с неустанным лаем.

– О, Дагги, вы уже выспался? Прости, что не взял с тобой, все равно ничего интересного не произошло.

«Ничего интересного» едва не споткнулась об порог, благо старик ее надежно держал за талию, хотя усталость уже

овладевала им.

– Садитесь вон на эту табуретку, сейчас пойду за аптечкой, она у меня в машине лежит.

Пока Питер ходил к своей машине, Софи осматривала дом. «М-да, в таких халупах еще кто-то живет. Разве что сумасшедший». Пес сидел возле нее и внимательно следил за ней. Ей стало не по себе, потому что с детства ее сопровождал страх перед собаками, особенно черными, так как они производили впечатление исчадия ада. Затем ее взгляд зацепился за книгу на подстилке. На обложке красовалась яркая иллюстрация о приключениях пиратов. «Кевин любил такие книги», вряд ли старик читает подобное, если он, конечно, не остался умом на уровне младших классов. Она не забывала о брате, но для начала ей следовало обработать рану, прежде чем наседать на хозяина дома.

Через пять минут нога была обработана и забинтована. Рядом с ней красовался кусочек битого стекла от бутылки, с засохшей кровью. И все равно старик принял озабоченное лицо, глядя на нежданную гостью.

– Придется Вас на машине везти до цивилизации во избежания кровотечения. Вам бы доктору показаться. Вы мне слишком нравитесь, чтобы обрекать Вас на медленную мучительную смерть. Опирайтесь на меня...

Такой ход развития событий не устраивал Софи, ей надо было задержаться именно здесь.

– Вы бы воды дали, в моем горле с утра не было ни капли.

Хозяин не был доволен тем, что она выразила просьбу, и тем самым тянет время. А лишняя минута в подвале может для мальчика обернуться серьезными проблемами со здоровьем. Но все же поставил перед ней недавно купленный стакан с прозрачной жидкостью. Софи не спеша пила, не отрывая взгляд от Питера. Старик начинал нервничать, украдкой глядя куда-то в угол. В ее голове лихорадочно роились мысли о том, как отвлечь его, но ничего путного придумать не могла. Допив воду, она поставила стакан на хлипкий стол с таким стуком, что чуть не разнесла его.

– Теперь я готова идти, – наконец-то произнесла Софи, вытягивая свои руки вперед.

Питер не ожидал от нее подвоха, и в этом была его роковая ошибка. Софи придерживалась за него в начале, но через пару шагов отпустила его, тем самым падая вниз, потащила за собой в ничем не подозревающего хозяина. Пока он пытался понять, что случилось, Софи со свойственной ей моментальной реакцией нащупала ручку в полу и потянула дверцу вверх. Испуганные детские глаза глазели на нее, не зная что делать. У Питера все похолодало внутри, а Дагги рядом скакал, одаривая своим неистовым лаем наглую незнакомку.

– Дагги, молчать! – Все, что мог сказать поверженный старик. Но Софи не было до него дела, ведь кроме Кевина ее ничего не интересовало.

– Кевин, почему ты там сидишь? Он тебя мучает? Не бой-

ся мне сказать, пожалуйста!

Тот не спешил покидать свое укрытие.

– Арчи, вылезай оттуда, пообщайся с этой дамой.

Мальчик со страхом вылезал наверх, потому что за тот период, что он жил у Питера, в нем поселились внушенные ему опасения, что придут некие мужчины или женщины в черной одежде и навсегда заберут на опыты. А на опыты ему не хотелось. А эта тетя с дурацкой прической была одета именно в черную одежду, только солнцезащитных очков не хватало для полного образа.

– Я не хочу, чтобы на мне проводили опыты! – Первое, что сообщил Арчи-Кевин, глядя насуплено на Софи.

– Не понимаю, о чем ты говоришь?

– А что не так? – флегматично отвечал Питер, – вы разве не за этим пришли, чтобы забрать куда-то в эти ваши инстанции? – и он с многозначительным выражением лица указал пальцем куда-то вверх.

– Не знаю, что за чушь вы городите, но я... – Софи запнулась, не договаривая «его сестра», потому что она только сейчас поняла, что никакая она не младшая сестренка, а Кевин – не старший на пару лет брат. По крайней мере, с виду она больше напоминала его мать или тетю. Старик же сдаст ее людям в белых халатах, скажи ему это. – Я являюсь ему тетей и пришла забрать его домой в семью, где ему самое место, а не здесь в ужасных для ребенка условиях!

– Хотел бы я Вам верить, но это выше моих возможностей.

Старику не было ведомо, как тяжело давалось Софи сдерживание своих родственных чувств по отношению к брату.

– И что будем делать? – Голос Софи ошутимо дрожал. Перспектива потерять брата во второй раз ей казалось сущей пыткой.

– Пойдемте в машину, там и поговорим.

– А вдруг Вы меня на ней же и увезете? Нет, я не уеду отсюда без Кевина. Тем более, кто Вы такой, что держите его у себя?!

– Даю слово ветерана. – Брякнул Питер, предлагая руку Софи, которая все это время сидела на полу. На последний вопрос он решил не отвечать.

Усевшись в машине, больше напоминавшую грудку металлолома, Софи недовольно поморщилась: в машине стоял еще более ошутимый запах рыбы. Питер начал разговор без долгих прелюдий, касаясь своей длинной седой бороды:

– Если Вы не заметили, то у мальчика налицо полная потеря памяти. Поэтому он не помнит ничего, что было до того, как он проснулся у меня дома. Даже имя вылетело из его головы. Документов при нем не было, видимо они сгорели в том самолете.

– Так вот почему он не реагирует на настоящее имя! – Воскликнула Софи, изредка бросая свой взгляд в сторону дома.

– Да, я нашел его в завалах разбившего самолета. Только ему единственному повезло не присоединиться к мертвецам,

так что потеря памяти – меньшее зло. Ну, а Вы кто такая ему будете? Неужели и правда тетя?

– Как бы странно это не звучало, но честно говоря, я – его младшая сестра. Меня зовут Софи Дэвис, вот мои документы! Хотя Вы все равно не поверите, уж звучит больно неправдоподобно.

Питер отмахнулся от ее предоставленных бумаг. Он почему-то верил этой женщине.

– От чего же не поверю! После того, как я узнал, что самолет якобы упал спустя тридцать лет, а еще видел все лично своими глазами, мне документы ни о чем не говорят. А ведь они были для меня последним воплощением доказательств. Столько лет прожил, и все равно нашлось то, что меня способно было удивить. И это старого циника, прошедшего Вторую мировую!

– Почему это «якобы»? Он и вправду исчез в небе в 1957 году! Стали бы меня приглашать на похороны в качестве членов семьи, если бы это было не так? Я с детства помню это номер рейса, – и она вытащила из кучи ее неостребованный потрепанный билет на самолет, на котором указывалось красноречивое подтверждение ее словам.

Тот глянул на билет, и отвернулся, чтобы предаться мыслям, а Софи тем временем продолжала:

– Я должна была лететь вместе с ними, но мне вроде как повезло. Я три десятка лет жила мечтами увидеть хотя бы могилы родных, чтобы отпустить их и жить дальше. Сегодня

мне довелось похоронить родителей, и я уже смирилась, что Кевин не избежал их же участи. Но тут словно судьба привела меня к Вам. Я не могу уехать без него!

Софи положила свою ладонь на руки Питера, тот вздрогнул и посмотрел ей прямо в глаза.

– Я право не знаю, Ваши слова звучат проникновенно и даже убедительно, но где гарантия, что Вы меня не обманываете? Еще странно, что мальчика похоронили, не имея тела.

– Если Кевин не помнит ничего из прошлой жизни, то никак. Могу дать Вам адрес моего дома, куда Вы, если захотите, можете приехать и навестить Кевина. А по поводу тела, тело было, правда, меня не позвали на опознание, тут с бабушкой имели дело. Подождите, а ведь кого хоронили вместо моего брата? Странно-то как...

Питер мучительно обдумывал ее слова, но действительность работала против него: ему за 60, здоровье ухудшается с каждым днем, дом дышит на ладан, есть риск, что спецслужбы не оставят его в покое, несмотря на официальные «похороны», и потом мальчику надо учиться, играть со своим сверстниками. В общем, он не мог дать мальчику ничего из того, что ему так необходимо. Вдобавок его осенило, кого могли предать земле, от чего его загоревшее лицо побледнело. Слишком ужасная догадка. Наконец-то Питер созрел:

– Ладно, но Вы понимаете, что появление в вашей жизни

Арчи, то есть Кевина вызовет ненужное внимание со стороны общественности и этих, сами понимаете... Его же станут терзать, как диковинку. И кто знает, как он отреагирует, если под давлением вспомнит и осознает произошедшее с ним.

До Софи дошло, что такой вариант развития событий нельзя отбрасывать.

– И правда, но что же делать?

– Предлагаю вам бежать, и как можно быстрее. Пока не улягутся страсти, а к нему не вернется память в более благоприятных условиях.

– До чего же несправедливо! Ладно, я готова на все, лишь бы брат был со мной!

– Вы-то да, но, а Ваша семья, если Вы, конечно, не одинокая женщина, которой по приколу носить обручальное кольцо?

– Муж и дети не станут возражать, Кевин же тоже член семьи! – в голосе Софи звучала твердая уверенность в своих словах.

– Ладно. Ждите здесь, я сейчас. – И Питер вышел из машины. Его долго не было, и Софи постоянно смотрела на свои часы, с трудом подавляя свое желание последовать за ним в дом.

Первым из дома выскочил Дагги, не отрывая своего взгляда в сторону двери. Оттуда же вышли Питер с Кевином. Последний явно не хотел покидать полюбившегося им сурового вояку. По его пухлым щекам текли слезы, а руки крепко

сжимали стопку книг. Словно назло всем, он с черепашьей скоростью шел к машине.

– Давай, укладывайся на заднее сиденье. – Приказал Питеру рыдающему мальчику, но тот сильно покачал головой. – Слушай, ты поедешь туда, где тебе будет намного лучше, чем здесь. Тебе нельзя жить у меня, пойми. И вообще, скоро мы увидимся. Я тебе даю слово солдата!

В ответ то же самое: слезы и взгляд себе под ноги, на которых красовались давно вышедшие из моды туфли.

– Да пойми же ты, если ты будешь жить у меня, то злые мужчины рано или поздно заберут тебя у меня. А эта тетя хорошая, давай же!

Довод с «злыми мужчинами» убедил мальчика, и он залез на заднее сиденье, по-прежнему сохраняя гробовое молчание.

– Ложись, и тебя накрою, чтоб тебя не видели.

Вслед за Питером и Кевином в машину заскочил Дагги, улегшись вдоль сидений.

– Вам куда ехать? – Спросил Питер на выезде из деревни. Мимо на полу вновь мелькнуло то самое кладбище, но Софи туда старалась не смотреть.

– Я планировала остановиться на ночь в отеле, но с Кевином я туда не могу соваться. Мало ли.

– Тогда поедем в мотель, там работает один мой хороший знакомый. Остановимся у него, а утром я вас отвезу на машине до города, где Вы живете.

– Но ехать придется не один день!

– Ничего, мне все равно нечего делать, развеюсь. И так давно не покидал пределы деревни, так что...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.